

Книги вразнос. Что у нас переводят. И как

[281]

ИЛ 2/2020

Экспресс-рецензии Даши Сиротинской

Джованни Боккаччо
Декамерон / Перевод с
итальянского А. Н. Веселов-
ского, реконструкция пере-
вода Л. В. Бессмертных —
М.: Ладомир, серия “Лите-
ратурные памятники”, 2019

Еще одна, на первый взгляд, сомнительная новинка от “Литпамятников”. Уж этот-то мохнатый автор, что он забыл на страницах рубрики, посвященной новинкам переводной литературы? А между тем “Литпамятники”, поиграв мускулами, снова показали всем, что такое настоящая “литературная новизна”. Наверняка многие знают, что все это время мы читали “Декамерон”, мягко говоря, не целиком. А точнее — отфильтрованные многоярусной цензурой фрагменты итальянского *opus magnum*, переменившего, как нам неустанно повторяли, ход мировой литературы. Это мы, и в самом деле, затвердили на зубок — а вот в чем, собственно, заключается эта мистическая родовая связь между новеллами Боккаччо и литературой современной, понимали весьма условно. И немудрено, ведь доброй доли этого смелого, парадоксального, удивительного по своей пестроте текста мы и в глаза не ви-

дели. Как это всегда бывает с цензурой, из текста ушло все самое дерзкое и неожиданное (а вовсе не только фривольное, как можно было бы подумать). И полная реконструкция перевода Веселовского как по волшебству приблизила и тематически, и стилистически текст к нашей эпохе, к манифестированной откровенности текстов XX и XXI веков. Новое издание “Декамерона” стирает временные границы; мы видим отчетливо, как никогда: сколько бы столетий ни разделяло нас, важным, смешным, отвратительным и трогательным нам кажется одно и то же. Старинная книга о юношах и девушках, которые, заливаясь веселым хохотом, рассказывают друг другу легкомысленные истории и дышат отравленным воздухом, — скажите на милость, что может быть современнее? А сопроводительные материалы — неизменная “фишка” “Литпамятников” — по сути, превращается во второй роман, ничуть не менее увлекательный и поучительный: это история переводческих и исследовательских метаний в жестоком и бескомпромиссном мире книгоиздания — и просто в жестоком и бескомпромиссном мире. А уж если включить все это в сюжетную рамку работы над изданием со-

временных литературоведов — получается настоящий метароман! Итак, перед нами истинный Боккаччо — певец “секса, наркотиков и рок-н-ролла”, который все это время сидел с нами возле походного костра и горланил под три аккорда. Просто мы его раньше не замечали.

ДЁРДЬ ШПИРО *Дьяволина Горького* / Перевод с венгерского В. Середы — М.: Издательство АСТ : Corrus, 2019

Седьмой класс, задание по истории: прочтите параграф и перескажите его от лица одного из героев. Задание, спору нет, увлекательное — и Дёрдь Шпиро, быть может, с ним и справляется, но разве что ровно настолько, чтоб отвязалась учительница. Задумано все было как исповедь маленького человека, попавшего в круговорот больших исторических событий, — служанка, а затем домашняя медсестра Горького Липа рассказывает о нескольких десятилетиях своих наблюдений (для человека простого на диво скептических и подчас даже снисходительных) за жизнью этого писателя и его семьи. Беллетристическую завлекательность здесь обеспечивают влюбленность Липы в Горького с одной стороны и цветистая эротичность биографии этого автора — с другой. Могло бы получиться что-то вроде “Сумерек” про русскую революцию, но не получилось и этого, потому что, напомним, Шпиро нам пересказывает параграф. Бесчисленное множество исторических персонажей входят в

текст, получают от автора оплеуху топорной невнятной характеристики и отправляются обратно в небытие. Характеристика эта создается посредством не слишком углубленного переосмысления первой же попавшейся статьи из Интернета. Гляньте, как это делается: Мура Будберг была авантюристкой, шпионкой и любовницей всевозможных выдающихся мужчин? Значит, она очаровательна, лукава и прикуривает одну от другой. А вот невестка Горького Тимоша. Посмотрим на фото и, пораскинув мозгами с полчаса, наконец напишем: была она очень красива, даже чересчур. А рассказчица? Рассказчица выбрана интересная, мы хотим знать про нее побольше. Расскажите нам про эту Липу, давайте! Но Липа тут самая липовая из всех. Нам ничего не понятно ни про ее жизнь, ни про характер. Образ не развивается, потому что его нет. Мы должны все выводы сделать из того только, что она с вполне понятной фамильярностью влюбленной женщины честит бедного Горького на чем свет стоит. Он у нее и фальшивый, и как-то не так усат, и шут заискивающий. И видит она его насквозь, потому что кругом сплошные интеллигенты с длинными пальцами, а они вдвоем крестьяне в сшибающем с ног потоке модернистского хаоса. И так далее.

Главная беда, однако, в том, что в художественном отношении текст, что называется, нулевой. События мертвенно бредут (иногда — лихорадочно скачут) друг за другом, и ни автор, ни Липа не в состоянии вдохнуть жизнь в их по-

слушное хронологическое шествие. Перевод похвалить, в принципе, можно, но переводчику, прямо скажем, особенно трудных задач решать не пришлось. Учительница истории отвязалась — да и учительница литературы довольно оглушительно храпит.

ДЖЕЙМЗ СТИВЕНЗ *Горшок золота* / Перевод с английского Шаши Мартыновой — М.: Додо-пресс : Фантом-пресс, 2019

Горячо всеми нами любимая формула “луч света в темной царстве” при чтении этой книги просто не может не прийти на ум. Появление на русском языке “Горшка золота” — логичное продолжение публикации “Ирландских чудных сказаний”, которые увидели свет в 2018 году. Вообще ирландская тема — все эти диковатые истории о непонятных мистических существах, сумасшедших священниках, говорящих животных и нагловатых бродягах — обычно воспринимается как закрытый мир, своего рода клуб, в который вхожи чудаковатые знатоки (и, что всегда следует одно из другого, обожатели) ирланд-

ской мифологии и литературы. Они способны часами говорить об Ирландии — и оказавшиеся поблизости непосвященные не поймут из этой беседы ни словечка. Так вот, книги Стивенза в переводах Шаши Мартыновой, я уверена, способны указать широкому читателю на то, что ирландская литература — это не только какое-то мутное чернокнижничество: это чарующие тексты, которые настолько хороши, что вовсе не обязательно “быть в теме”, чтобы это понять. Тут вполне достаточно языка красоты, неразбавленным воплощением которого являются эти книги. Шаши Мартынова архаизировала язык и сделала его подчеркнуто необычным, а между тем читать стивензовские версии народных сказаний и легко, и смешно, и увлекательно. Вот почему на страницах ее перевода можно отыскать давным-давно утраченное чувство волшебства — и литературного, и жизненного. Сами подумайте: в маленькой, скромной, не раскрученной, сто-с-лишним-летней книжке о далекой и совершенно не понятной большинству из нас стране поджидает нас чистая радость литературы. Ну разве это не чудо?